

Павел Засодимский

Пропал человек

Павел Засодимский
Пропал человек

«Public Domain»

1883

Засодимский П. В.

Пропал человек / П. В. Засодимский — «Public Domain», 1883

«...Он сам чиркнул разом несколько спичек и ткнул их в соломенную крышу избушки. Солома вспыхнула, как порох. Синий дымок взвился и побежал по стрехе. Гарью запахло в воздухе... Прохоров с грустью посмотрел на свою загоревшуюся избушку, построенную для него усердием добрых людей, взглянул еще раз и махнул рукой. Скоро затрещало пламя, пробираясь по смолистому дереву, и через несколько минут вся хата была уже в огне. Вершины ближайших деревьев зашумели от усиленной тяги воздуха; вместе с густыми клубами дыма дождь искр полетел к небу. В вечернем воздухе, еще недавно таком чистом и ароматном, понесло смрадом и копотью... Тени сгущались в лесу...»

© Засодимский П. В., 1883

© Public Domain, 1883

Содержание

1	5
2	7
3	9
4	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Павел Владимирович Засодимский

Пропал человек

(Из деревенских летописей)

1

Вечер 16-го августа 1878 года. Небо – облачно, на горизонте залегают сизые тучи и только на западе, где солнце уходит за лесистый край земли, виден голубой клочок ясного неба. Вечерние солнечные лучи озаряют красноватым светом ряд посеревших срубов крестьянских изб, обращенных лицевой стороной к закату. Запад горит и пышет, словно залитый растопленным золотом, и брызги этого растопленного золота, попав на стекла крестьянских оконниц, сверкают и блестят там и сям, как огоньки.

В этот вечер деревня Косичево – в большом волнении... Народ, воротившийся с поля, почти весь собрался у избы Андрея Прохорова. Василий, старший сын Андреев, стоит, прислонившись к углу избы, и, запустив пальцы обеих рук за пояс, низко повязанный у него по животу, задумчиво смотрит по сторонам. Тут же на бревнах сидят старики, переговариваясь с Василием и между собой. Разговор часто прерывается, и в это время, посреди наступающей тишины, слышно, как чирикают воробьи, перелетая со стрехи на стреху, а в поле без умолку трещат кузнечики. Теперь, по заре, все звуки деревенской жизни слышатся явственно. То лошадь заржет, то в лесу кто-то аукнет, то откуда-то издалека донесется песня и оборвется вдруг. Над лесною рекой, Котласом, протекающей за деревней, порой чайка кричит громко, жалобно... Старики задумчиво сидят на бревнах. Василий тоже молчит и вздыхает. По всему видно, что люди встревожены, находятся в недоуменье.

– Ты говоришь: он перебрался спать-то на сарай с пасхи? – спросил один из стариков, поднимая голову и оборачиваясь к Василью.

– Да! Точно... – подтвердил тот. – На фоминой¹ перебрался. Душно, говорит, в избе-то, жарко... да и тараканы одолели. Зимось не успели поморозить-то их...

– Гм! Как же это никто не слышал, как он в горнице-то ворочался? – продолжал старик. – Сказываешь: забрал валенки, тулуп, шапку и рубахи...

– Не слышали... то есть вот как перед богом! – проговорил Василий, слегка выпрямляясь, как будто готовясь принять присягу в правоте своих слов. – Как, погоди, половицы не трещали... трещали! И дверь, поди, тоже скрипела... Да что поделаешь! Ведь знаешь: спим-то мы каково! Вон у меня хозяйка... у ней над ухом-то хошь в трубу труби, так...

– К мельнику-то ходил? – спросил Василья немного погодя другой старик, задумчиво посматривая вдаль своими слезящимися прищуренными глазками. – С кумом-то ведь они жили все в дружбе да в ладу...

– Ой, что ты! Уж такая дружба неразнимая была у них, что просто... – поддакнул Василий умильным тоном... – Ходил, спрашивал... Не видал, говорит: ко мне, говорит, с ильина дня² не захаживал.

Старик поникнул головой и замолк.

Солнце закатилось, и синеватые сумерки уже окутывали даль своей волшебной полупрозрачной дымкой. Облака к ночи поразбежались; небо немного прояснилось. Сыростью, лесною глушью заметнее потянуло в воздухе.

¹ Фомина неделя – красная горка, первая по святой, с фомина понедельника.

² Ильин день – 20 июля по старому стилю.

– В правленье был, объявку подал... – заговорил Василий. – Да ведь как! Три дня прошло – ни слуху ни духу... Просто ума не приложу: что с ним подеялось... Жили мы с ним, кажись, по-божески, никакого вздору у нас не было...

– О, господи! – вздохнул старик, поглаживая свою сивую бороду. – Пропал человек, сгинул... ровно камнем в воду...

– Да вот – поди ты!.. – заметил другой из собеседников. – Жил о сию пору, как у Христа за пазухой... Дом – полная те чаша, дочь замуж выдал за хорошего человека, сына только что поженил... Что еще надоть! Все шло таково складно... жить бы да радоваться! А оно вон...

– Да куда девался-то – ты вот что скажи! – молвил сосед. – Ведь не иголка, чай... в шель не забьется... Ну, куда он мог?.. Скажем, так: ежели пошел на богомолье, так почто тайком-то?

– И опять, вишь, всю теплую одежду забрал с собой, рубах эстолько! – возразили из толпы. – Нет уж – какое тут богомолье!..

– Оказия! – промолвил один из мужиков.

– Чудное дело!

Когда народ разошелся по домам, заря уже потухла. Легкие дымчатые облака плыли по небу, и бледный месяц выглядывал из-за них на опустевшую и безмолвную деревенскую улицу.

2

Действительно вышло «дело чудное», как говорили мужики, сидевшие на бревнах.

Андрей Прохоров на своем веку, наряду со всеми своими односельцами, конечно, испытал все злключения и напасти, какими полна жизнь крестьянина. Но он был силен, живуч и потому устоял во всех напастях... Двадцать лет тому назад он погорел; пожар случился ночью, в осеннюю непогоду. Прохоров и его семья едва лишь успели выскочить на улицу в одних рубахах. Не однажды у него падал скот, медведь задрал одну корову, да волки загубили несколько овец; не однажды червь поедал озимь и оставлял Прохорову семью без хлеба; не однажды хлеб побивало градом. Все такие беды, от которых стонет грудь и трещит спина крестьянская, трещит и порой ломится...

Но при всех этих обычных бедах и напастях, Андрей Прохоров считался мужиком зажиточным, да и в действительности, пожалуй, был человек зажиточный... Еще ни разу не драли его за недоимки в волостном правленьи; у него есть скотина – чем ныне, как известно, не каждый крестьянин может похвалиться; *своего* хлеба у него почти всегда хватает до самой пасхи, между тем как у многих из его односельцев хлеба едва достает лишь до рождества, а уж много-много до великого поста³, в продолжение которого и скотина и люди постятся так усердно, что потом – по весне – еле ноги волочат... Прохорова семья, обыкновенно, почти всю зиму питалась настоящим хлебом – выдались только раза три или четыре такие отчаянные голодовки, когда Прохоровой хозяйке приходилось примешивать к муке и отрубям намелко перетертые отростки молодых елей, кору и мох... Одним словом, можно подлинно сказать, что Андрей Прохоров жил припеваючи.

И в семье у него все ладилось. Правда, два года тому назад приключилось горе: схоронил он старуху жену. Но смерть уж, известно, такая гостя, что от нее ни богач, ни нищий ни крестом, ни пестом не отделается... Правда, у него еще умерло в свое время пятеро «младенчиков», но без этого ведь никак нельзя, да это горе – к слову сказать – на Косичеве и за горе не считалось. На Косичеве даже матери не жалеют своих малюток. Помрет ребенок – «слава те, господи», избавились, значит, от лишнего рта, пестовать некого и не за кем ухаживать, от дела отрываючись... Отрубят небольшую осиновою или сосною плаху, расколют ее почти пополам, обе половины кое-как выдолбят, и в этот гробик, более похожий на корыто, чем на гроб, кладут «покойничка», завернутого в кусок серой холстины, несут в церковь, а оттуда – в могилу. Сегодня ребенок умер, завтра он уже – в земле... Ребят не лечат. Есть, конечно, где-то там «фершал», но где ж его искать, когда за ним ходить, особливо в рабочую пору, то есть в то время, когда именно всего более мрут ребята?.. На Косичеве не дорожат ни своей, ни чужой жизнью, и вообще человеческая жизнь здесь не ценится ни в грош.

Зато четверо ребят, оставшихся в живых у Андрея Прохорова, вышли не какие-нибудь дурни, но все люди здоровые и неглупые. Год тому назад он выдал дочь замуж за хорошего мужика, сыновья все были уже женаты – третьего, младшего, недавно женил. Средний сын, Алексей, уже пятый год в разделе и живет своим хозяйством. Василий с младшим братом, Иваном, остались пока вместе. Оставалось Андрею Прохорову жить под старость лет без печали, «в тихой радости да в веселии. И вдруг он тайком из дому в ночи, как тать, скрывается неизвестно куда и неведомо зачем. Самые хитроумные головы на Косичеве не могли придумать: какая причина заставила Прохорова пуститься в бега на старости лет.

– Диковина! – толковали люди и далее удивления не шли.

С сыновьями и невестками Прохоров жил дружно, никаких ссор и свар между ними не происходило. Односельчане также жили с ним всегда в ладу и относились к нему с почтением,

---

³ Рождество – 25 декабря по старому стилю.

хотя и не всегда слушались его благих советов. Он был издавна радетелем за крестьянский мир. Не раз от лица мира говаривал он с властями, и власти не однажды сулили его самого «упечь туда, куда ворон костей не нашивал». Не раз также посылали его ходоком в город по деревенским делам. Не однажды также случалось, что он защищал «захудалых людишек» от мирской несправедливости, готовившейся обрушиться на них... И этакий-то человек вдруг пропадает, исчезает бесследно.

Было о чем призадуматься старикам, сидевшим на бревнах у Прохоровой избы в тихий августовский вечер. Ясно было только одно, а именно, что он ушел навсегда или, по крайней мере, надолго. Старик, как оказывалось, забрал с собой теплую одежду и свою толстую старинную книгу, которую любил читать в досужее время. Но куда он ушел, зачем ушел? не только никто не мог сказать, никто не мог даже остановиться ни на какой догадке, которая хоть сколько-нибудь шла бы к делу... Но жизнь покатилась своим чередом, и о пропавшем человеке стали мало-помалу забывать в Косичеве.

Шел месяц за месяцем, и прошло два года...

3

Дремучий, беспросветный лес тянется в четырех верстах от Косичева, заходит в другую губернию и раскидывается на все четыре стороны без перерывов на сотни верст. Попадают в нем местами и береза, и осина, и мелкий олешняк, но более высятся в нем темною тенью лохматые ели, сосны да лиственницы. Большую часть года лес стоит темен и мрачен, то гудит и стонет, то стоит молчаливо, нахмурившись. Только в летнюю пору он оживляется и глядит веселее. Светлую зеленью покрывается кустарник, расцветают цветы, и воздух в лесу наполняется их чудесным ароматом. Косичевцы в этом лесу охотятся на белок, на рябчиков и тетеревей, бьют медведей, а в лесных речках и реках ловится много рыбы. Косичевцы уверены, что никто еще от века не проходил их леса вдоль и поперек.

Но в народе живет предание, что по одной из лесных рек – по Котласу – в старые годы плавали в легких лодочках разбойники, пробираясь для своего промысла на «большую реку», текущую от Великого Устюга к холодному, ледяному морю. Сказывают, что у разбойников на берегу Котласа было устроено становище. И ныне, неподалеку от реки и по самой береговой круче, еще видны в земле какие-то бревна и полусгнившие срубы, попадают глубокие ямы, словно вырытые человеческими руками, и большие серые камни, сложенные в кучи или разбросанные там и сям по сторонам. Все это теперь, конечно, заросло деревьями, покрылось густым кустарником. Это место в нашей стороне называют Чудиновым Городищем. Дурная слава идет про него в народе. Не любят мои земляки проходить по этому месту в ночную пору или ночевать поблизости от него. Тут, говорят, «чудится, блазнит» – видятся и слышатся всякие страхи... Сказывают, что под Чудиновым Городищем зарыт клад, и с таким ужасным заклятьем, что взять его мудрено всякому крещеному человеку, кому жизнь дорога. Здесь разбойники скрывали свои награбленные сокровища... Из Котласа в «большую реку» они переносили лодки на себе – на расстоянии семи верст. По болотистой топи, расстилающейся в лесу между Котласом и «большой рекой», разбойники проложили для себя узкие-узкие тропинки. Эти тропы были известны только им, по различным приметам. Чужой, посторонний человек ни за что в свете не прошел бы здесь и сгинул бы в болоте самую мучительную смертью, захлебнувшись в зеленой тине, посреди блестящей, роскошной травы, посреди красивых цветов – белых и желтых кувшинок.

Говорят, какая-то купеческая дочь, молодая девушка-красавица, была захвачена разбойниками в плен и, чтобы избавиться от насилий и срама, бросилась в отчаянии в Котлас и утонула. Ее душа с тех пор не находит покоя... Близ Чудинова Городища, в светлые летние ночи, рыбаки издали видят русалку. То она сидит на берегу, вся позакрывшись волнами темно-русых волос, то качается на ветвях какой-нибудь ивы, низко склонившейся над водой, – вся голая, белая, блестящая. Откинув волосы на спину, она держится за иву одной рукой, а другою – плещется в воде и подзывает к себе одинокого рыбака, маня его к себе своими дьявольскими прелестями. То ли она плачет, то ли песни поет – не разберешь...

В чаще леса неподалеку от Котласа – верстах в восьми – тянутся большие прогалины, покрытые редким ельником, кустами вереса и можжевельника, и почти сплошь поросшие белосомом, – поэтому прогалины и известны под именем «белоусовых прогалин», знаменитых тем, что на них растет великое множество рыжиков, волнушек, маслух в сухарей, – одним словом, растет в изобилии тот род грибов, что называется «губиной». Каждый год в конце лета и осени, в дождливую ненастную погоду, когда полевые работы дают передышку, целые ватаги девок и баб отправляются за губиной на «белоусовы прогалины». В иной год, когда рыжиков уродится много, прихватывается даже лошадь с одноколкой, чтобы вывезти на ней из леса грибы.

4

Лето 1880 года было сухое и жаркое, на грибы был «неурод».

Бабы, ходившие на «белоусовы прогалины», на этот раз набрали немного рыжиков, но зато одна из их ватаги случайно сделала в лесу удивительное открытие. Бабы были уже на обратном пути и спешили выбраться из леса до наступления ночи. По их приметам оказывалось, что Котлас от них был недалеко, недалеко было и Чудиново Городище. Вдруг в лесной чаще они наткнулись на высокую груды бурелома и стали обходить ее. Место было трущобистое, мрачное: со всех сторон обступали его темные, вековые сосны и ели, а понизу, меж их стволами, шла густая, непролазная поросль. Такие места любят выбирать медведи для своих берлог. Бабы с трудом пробирались сквозь чащу и с опаской посматривали на вывороченное вверх корнями пеньё. Сучья довольно чувствительно царапали им плечи и хлестали по бокам, но бабы не ругались не смея призывать вслух имя *того*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.